

ТРАНСФОРМАЦИЯ И РЕМИНИСЦЕНЦИИ ЕГИПЕТСКИХ И АНТИЧНЫХ ТРАДИЦИЙ В МИРОВОЗЗРЕНИИ РАННЕГО ХРИСТИАНСТВА

ЕВГЕНИЯ КАЛАНТАРЯН

Кандидат искусствоведения,

доцент ЕГАХ

Средневековый Запад зародился на развалинах римской империи. На первых порах его питал, поддерживал, но вместе с тем и парализовал именно Рим.

К III веку мощный кризис основательно пошатнул позиции некогда великой державы, единство его стало разваливаться. В сенат стали избираться выходцы с Востока, испанцы, галлы. Эдикт Каракаллы от 212 года предоставил право римского гражданства всем, живущим на территории империи. Возвышение провинций свидетельствовало о нарастании центробежных сил. Средневековый Запад унаследовал от Рима эту борьбу: между единением и обособлением, стремлением к христианскому единству и одновременной тягой к национальной самостоятельности.

Нестабильность имела и более глубокие истоки: Запад терял средства к существованию. Вся роскошь, деньги, золото уходило на Восток через монополизированных купцов преимущественно еврейского и сирийского происхождения. Процветать начали города на Востоке.

Основание Константинополя – Нового Рима, императором Константином в 324-330 годах материализовало перемещение центра тяжести римского мира с Запада на Восток. Византия продлила жизнь Рима до 1453 года, но при всей видимости процветания и мощи, это была лишь агония римского мира. Западу же, оскудевшему и варваризированному, суждено было обрести новые силы и вырваться на мировые просторы.

Некоторые императоры верили, что смогут еще заковать судьбу, отказавшись от прежних богов, чье покровительство на практике оказалось бесплодным, и признали нового бога – Бога христиан. Успехи Константина казались оправдывающими эти надежды: под эгидой Христа благополучие и мир как будто возвращались. Но это была лишь короткая отсрочка – христианство оказалось неверным и ненадежным союзником Рима. Риму нужны были церкви лишь как форма, в которую можно отлиться, как опора или средство самоутверждения. Религия вселенского призвания - христианство не рисковала замкнуться в границах одной цивилизации. Конечно, оно стало главным

наставником средневекового Запада, которому передало римское культурное наследие.

В этом историческом промежутке времени в становлении христианских идей незаменимую роль сыграли евреи.

Историческая миссия еврейского народа в Древнем мире велика. Проживая в землях, где соседние народы поклонялись множеству природных богов, евреи поверили в то, что они единственные напрямую связаны с единым и абсолютным Богом. Богом – Создателем мира и одновременно Творцом его истории. Приняв божественные заповеди, открывшиеся Моисею на горе Синай, евреи обрекли себя повиновению своему Богу, его неодолимой и непостижимой воле. Ибо Бог евреев – это Бог, творящий чудеса и преследующий сокровенную цель, по своему желанию спасающий народы или сокрушающий их, дробящий источники из скал, достающий пищу с небес... Их Бог не только Создатель, но и Избавитель, вселивший в свой народ упование на славную участь, если они пребудут верными Ему и послушными Его закону. Евреям был брошен вызов – помочь и принять новую веру, с целью принести человечеству мир, справедливость и исполнение воли Господней. И именно эта вера и упование на будущее, этот исторический порыв и поддерживал жизнь в еврейском народе.

Иисус из Назарета стал проповедовать свое учение в еврейской среде в ту пору, когда ожидание Мессии и апокалиптического Конца света достигло своего крайнего предела. Однако новую веру утвердили не эсхатологические ожидания, а отклик учеников Христа о Его Воскрешении. Именно в этом Воскрешении и верующие видели торжество Бога над смертью и злом, предвидя в нем образ и ожидание собственного воскресения из мертвых. Долгожданное будущее, обещанное Богом, исторически воплотилось в личности Христа. Парадоксально сочетая линейное время и вечность, христианство провозгласило, что пришествие Христа в мир явилось пришествием обетованного Богом будущего, а будущее Господне заключается в полном осуществлении присутствия Христа. В христианстве ссылались все упования иудеев, к тому же оно обещало новую надежду на космическое духовное торжество в неизбежно приближающемся будущем.

Из всех характеризующих черт, в новой религии стержневыми оказались притязания христианства на универсальность и на масштабность исторических свершений: категоричность, имеющая иудейские корни¹. Иудео-христианский Бог – это не племенной или полисный бог, один из многих, но единственный подлинный, верховный, Царь Царей, Начало и Конец. Становление христианства

¹ История Средних веков. Библиотека всемирной истории. Полигон. АСТ, Санкт-Петербург, МСМХСІХ, стр. 211; Амброджо Донини. У истоков христианства. М., 1989г., стр. 86.

произошло во время слияния воедино иудейской религии, греческой мифологии и римского политического права.

Говоря о первых годах установления христианства, следует отметить, что оно распространилось из маленького галилейского центра с потрясающей скоростью, вскоре охватив весь западный мир. Сразу после смерти Христа, т.е. всего лишь поколение спустя, новая вера создает новый религиозно - интеллектуальный синтез. Это происходит в момент слияния воедино иудейской религии, римского политического права и греческой философии. Новая религия приобретает большой резонанс именно и скорее всего в эллинистическом мире². Как известно, евреи давно ждали Мессию, но в их представлении это был скорее политический лидер, царь, каким в древности был Давид. В необходимости явления этого нового царя они видели надежду установления главенства Израиля над миром. Они не могли “ожидать” аполитичного, слишком человеческого, страдающего и *умирающего* Христа, отдавшего жизнь во имя искупления грехов человечества, а не лидера-героя, при необходимости отдающего жизнь во имя свободы и независимости своего народа.

После смерти Христа возник ряд политических-мессианских движений, возглавляемых зелотами, настраивавшими евреев против римлян. Последовали восстания, затем война, в ходе которой римляне захватили Иерусалим и разрушили иудейский храм в 70 г.н.э. С этой поры христианство перестает быть “собственнической” иудаистической верой и становится скорее эллинистическим, чем палестинским явлением.

В отличие от иудаизма, греко-римская культура была универсальна: как в теории, так и на практике. Законы римской империи стояли выше национальных интересов и разобщенности: право гражданства и равноправия предоставлялись всем лицам, проживающим в городах, независимо от их национальной принадлежности. Вместе с тем, вселенский Логос греческой философии подчинял своей фундаментальностью все кажущиеся противоречия и несогласия: миром и людьми управляет Божественный Разум. Стоический идеал братства всех людей и создание Мирового города утверждали равенство всех божьих созданий. Таким образом, распространение христианства стало возможным благодаря империи Великого Александра и Древнего Рима. Начиная с Павла на заре христианства и вплоть до Блаженного Августина на закате классической эпохи характер и проявления новой религии во многом определялись контекстом е, греко-римского окружения.

² Г.А. Носова. Язычество в православии. М., 1975г., стр. 14.

Суть теологии Павла заключалась в следующем: все вещи сотворены во Христе, он архетип всякого творения. Здесь прослеживается прямая зависимость от греческого понятия Логоса. И не случайно, что синодальные Евангелия начинаются словами “В начале было Слово (Логос)”. Подобное сближение греческой мысли с христианской теологией было замечено уже у первых отцов церкви: Юстина Мученика, Климента Александрийского, Оригена. Христианство рассматривалось, как истинное завершение философии. Логос очеловечился в образе Христа, синтезируя греческое философское учение о возможности понять и прочувствовать божественную рациональность мира. Во Христе Слово становится человеком: сливается воедино вечное и преходящее, личное и абсолютное, божественное и человеческое. Актом искупления в христианстве положилось начало трансцендентальным исканиям, идеи которых были намечены уже у Платона.

Близость раннехристианского учения с идеями Платона не случайна³. Неоплатоническая философская структура развивалась в Александрии, откуда родом были Плотин и Ориген. Они оба учились у одного и того же учителя – Аммония Саккаса, философские концепции которого отличались некоторой ограниченностью и линейной односторонностью. Философия Плотина оказала несомненно большое влияние в дальнейшем на становление идей Августина, на его обращение в христианство.

Августин видел в Плотине ожившего “нового” Платона, рассматривая платоновскую мысль, как самую чистую, яркую и глубокую. “Подлинным философом является любящий Бога”, – утверждение Августина пронизывало практически всю средневековую западную мысль. Раннее христианство настолько тесно переплелось с греческой культурой, что Платона и Сократа по крылатой фразе Юстина Мученика называли “христианами до Христа”, а на иконах их изображали среди тех, кого первыми вывел из преисподней Христос в сцене Сошествия во ад. Классическая культура на своем закате пережила второе рождение и вторую жизнь через христианство, приобретая вместе с ней и новый смысл. Климент Александрийский писал, что к христианству греков подготовила их философия, а евреев – их Закон. Далее, философ и богослов разъяснял, что мир – это не мифологическое явление, наполненное божествами и демонами, а природный мир, который по провидению управляется единым верховным самодостаточным Богом. Почитать нужно не материю, а ее Творца, и божественны не небесные тела, а их Создатель. Стали погибать старые боги.

³ Зарубежная литература Средних веков. М., 1975г., стр. 99-112.

На их место вознесся единый и истинный христианский Бог. Ранние мифологические основы христианство пополнило еще одним значительным элементом: Христос был не мифической фигурой, а реальной исторической личностью. Таинство смерти и воскрешения для язычников имели эзотерическую основу, тогда как в христианстве стало исторической реальностью, достоверность которой могли узреть миллионы людей⁴.

Вместе с тем языческие мистерии были не только препятствием на пути христианства, но, одновременно, и той почвой, на которой оно могло бы быстрее возрасти. Христианство в свою очередь усвоило и поглотило, трансформировало культ языческих божеств. Все классические боги включились и отождествились в христианскую иерархию. Оставляя им типичный свой характер и свойства, христианство стало трактовать их уже в новом контексте: Христу уподобились Аполлон, Прометей, Атланты, Гелиос, Митра, Осирис, Аттис; Богу-Отцу – Уран, Сарапис, Кронос, Зевс; Богоматери – Великая мать, Гера, Афродита, Семела, Исида. Святому Духу уподоблялись опять же Аполлон, Дионис, Орфей и животворящие женские сущности и божества, Архангелу Михаилу – Марс (Арес), Св. Христофору – Атлант. Сатане же уподоблялись Пан, Аид, Прометей, Дионис, Персефона⁵. В случае, когда божества оказывались в корне добрыми, они отождествлялись с одним из персонажей Троицы, в противном же случае – с Сатаной. Например, Прометей, страдающий во имя человечества, становился прообразом Христа, и вместе с тем Прометей, как мятежник, восставший против Бога – стал восприниматься в образе Люцифера.

Христианская церковь утвердила божественную власть Священного Писания, а Священное Писание утвердило божественную власть Церкви. Этот замкнутый круг, симбиоз, в действительности направлял формирование христианских взглядов. Христианство возникло на основе традиций израэльтян, потомков Авраама и Моисея, традиций, которых отличает и характеризует неистовый религиозный накал и непримиримая нравственная суровость.

Интересно обратиться и к отдельным элементам более ранних цивилизаций: шумерской, египетской, реминисценции которых мы встречаем и в христианстве. Так, здесь можно встретить повторение одного и того же мотива, иногда почти в точности, иногда перефразированного. Например, в эпосе о Гильгамеше (на одиннадцатой табличке из библиотеки в Ниневии) описывается потоп, о котором ведаёт Гильгамешу его предок – Утнапиштим, которому боги даровали вечную

⁴ Анджей Токарчик – Мифы о бессмертии. М., 1992г., стр.67.

⁵ Джеймс Джордж Фрэзер – Золотая ветвь. М., 1998г., стр.312.

жизнь, и к которому обращается наш герой, в надежде узнать секрет бессмертия. Описания потопа, постройка корабля для спасения, размещения на нем животных и растений попарно почти в точности повторены в Библии. Возможно, эпос, который передавался долгое время из уст в уста, был переведен на многие древние языки и был весьма популярен, и обращение к нему в Библии вполне оправдано.

Несколько более разрознены египетские элементы в библейских текстах. Если античная мифология была хорошо знакома в IV-I вв. до н.э. в силу своей универсальности и близости человеку, и представляло собой органичное слияние воедино понятий бог, герой, атлет, простой смертный, то уже к IV в. н.э. давно уже никто не говорил и не умел писать по-египетски, и весь пласт египетской мифологии оставался неизученным (за исключением отдельных сюжетов, передаваемых устно). Вместе с тем, непосвященному человеку понять ее настолько трудно, что к двум-трем абзацам исконного текста придется писать листов 5-6 пояснительного текста. Сложность эта заключается в том, что она не похожа ни на одну из известных нам мифологий.

У египтян один и тот же бог мог быть носителем как доброго, так и злого начала. Вместе с тем одно и то же явление, символ могли иметь несколько божеств: то же солнце изображалось и воспринималось трояко, в зависимости от времени суток – утреннее солнце было богом Хепри и изображалось в виде жука-скарабея, катящего солнечный диск, дневное – Ра- человек с головой сокола, и вечернее, умирающее – Атум, часто изображающееся в виде кошки.

Неясны были и функции бога.

В греческой мифологии были определенные боги: любви – Эрос, красоты – Афродита, войны – Арес. У египтян можно встретить сходные божества – богиня любви Хатхор, воительница Нейт. Вместе с тем здесь существовало много божеств “абстрагированных”, олицетворяющих мудрость, могущество, законы природы: Ху – воля, Сиа – разум, Сехем – энергия, Хех – вечность. А уж говорить о характере богов вообще не представляется возможным. Если греческий Зевс – громовержец всесилен, неустрашим и могущ, Гермес – весельчак и плут, то в Египте один и тот же бог может быть как добрым, так и злым, как сильным, так и слабым. В каждом отдельном городе устанавливалось различное отношение к одному и тому же богу, что в основном было обусловлено многочисленными “переизданиями” подлинного текста, написанного либо на глиняных дощечках, либо на папирусе.

Интересно, в Греции боги представлялись сами по себе настолько могущественными (как злые, так и добрые), что не возникало мысли, что они

могут быть уязвимы. В Египте же, наоборот, почти каждый бог имел своего заступника и защитника-покровителя. Египетская мифология более философична. Здесь важнее не увлекательная сюжетная канва приключений и геройств, а философские рассуждения богов и их монологи.

Древние египтяне селились на восточном побережье Нила, западное же считалось землей “вечности”, т.е. загробной жизни. Подобно божественному порядку, где Ра рождается на востоке и “уходит” умирать на запад. Также и люди после смерти “переселяются” в Поля Камыша, при этом продолжая жить каждодневной привычной жизнью. Параллель с христианством можно проследить в том, что в Полях Камыша уже не бывает смерти: там египтянин живет вечно, равно как и в двух отсеках “географии” христианского загробного мира – раю и аду.

Все египетское искусство, равно как и мифология, были направлены на возвеличение идеи вечности – и отсюда, как обязательные атрибуты обеспечения вечности – монументальность размера и прочность материала – камня. Египетская мифология, подобно искусству была монументальна, она не представляла божества таким или иным, она его рисовало, изображало. Бог становился символом, помогающим человеку жить в постоянной гармонии с миром, не пытаясь его изменить, ибо любое изменение, противоречит изначальной мудрости и созерцательности, и всегда направлено на худшее.

Греки говорили, что жизнь египтянина состоит из приготовлений к смерти. Человек при жизни еще, начинал строить свою гробницу, оформлять ее по собственному вкусу и желанию, чтоб ему дальше было комфортно жить вечно в Дуате. У входа умершего встречал Анубис, который и вел его в большую залу на Суд. На пути им встречалось огромное множество змей и чудовищ. В зале сидели, готовые судить, две Эннеады богов – Малая и Великая. Греческое слово “эннеада” означает “девять”, хотя в египетском сознании, в Малую входят 11, а в Большую 42 бога. А “девятками” они назывались потому, что считались “загробными двойниками” Великой девятки богов Гелиополя. Здесь они – Атум, Шу, Тефнут, Геб, Нут, Осирис, Исида, Нефтида и Сет. Наличие двух Эннеад созвучно наличию Двух эсхатологий в христианстве.

По мере трансформации классическое политеистическое мировоззрение пускало корни и в христианство: черты одного и того же языческого божества постепенно перевоплощались в идею христианской Троицы. Если же у языческого бога имелась своя, даже незначительная “теневая сторона”, в нем христианство находило параллели и прототипы для Сатаны и чертей⁶. Так, Аполлон, который

⁶ Эрнст Ренан – Антихрист. Л., 1991г., стр.58.

в поздней античности и в эллинистический период отождествлялся с солнцем, являясь светлым князем небес, в христианстве отождествляется с Христом, а его дары – как то способность пророчествовать – с возможностями Святого Духа. Страдающий Прометей – прообраз жертвенности Христа, тогда как Прометей-мятежник, восставший против богов – прообраз Люцифера. Дионис, как воплощающийся и перерождающийся бог стал подобием распятого и воскресшего Христа, вместе с тем вакханалии и разнузданность в честь Диониса, уподобляли его образу Сатаны. Драма христианства, а вместе с тем иудаизма и зороастризма, лежала в их концептуальном монизме, пытающемся преодолеть коренящуюся внутри двойственность – дуализм по отношению к добру и злу, в стремлении уравновесить эти два взаимоисключающих понятия.

С одной стороны мир распадается на доброе и злое начало, т.е. божественное и дьявольское, с другой стороны мир мыслится органическим единением, ибо существование Сатаны в официальном христианстве всецело зависит от Бога - Создателя.

Христианский подход к истине, невзирая на ряд античных реминисценций, все же отличался от классического. Бесспорно, разуму было отведено место в христианской духовности, но лишь поскольку разум был необходим для постижения Логоса. Разум являлся даром свыше, служившим творческой реинкарнации Логоса. В отличие от некоторых аспектов схожих с античной классикой мировоззренческих тезисов, христианская мысль отличалась тем, что только она возымела доступ и соприкосновение с миром трансцендентного начала. Христианский Логос становится не безликим Разумом, а конкретным, облаченным в божественную личность Словом. Это акт “родительской” любви Бога к человеку, раскрывающий последнему возможность узнать и постичь место и роль Человека в Космосе. Логос стал спасительным словом Божиим: и верить впредь станет означать спастись. Таким образом вера становится наикратчайшим путем к познанию, тогда как эмпирически творческий процесс познания длится и дольше и болезненней⁷. Согласно Августину, чтоб уразуметь, нужно уверовать. В истоках этой стратегии лежит иудейское отношение к Богу: как познание истины, так и жизненных процессов напрямую связано от “правильных” отношений с Богом. Без изначальной преданной любви к Нему, возможно ошибиться, и неизбежно свиться на ложный путь. Ведь человек ошибся и даже был изгнан из рая лишь благодаря собственному неверию – разум взял верх над беспрекословным повиновением – верой. Потому и в христианстве возникает жизненно важная

⁷ Хрестоматия по зарубежной литературе Средних веков. М., 1953г., стр.72-73.

необходимость Откровения. Тайно отведав плодов от Древа познания, человек совершил первый и роковой шаг к интеллектуальной независимости “через тернии к звездам”. Это было первым нравственным проступком по отношению к Богу. И теперь могла помочь лишь Божья благодать. Почитаемое греками сознание земной рациональности свелось к нулю, а эмпирические опыты принимались лишь в том случае, когда помогали нравственному усовершенствованию. Получался замкнутый круг, когда любая познавательная мысль основывалась на теологии, а теология в свою очередь обретала незыблемость благодаря непоколебимому основанию и подтверждению в вере.

В первые века распространения христианства наукам уделялось самое мизерное значение. Мир воспринимался как данность, божье создание, потому попытки научным путем понять его, либо проникнуть в его тайны, казались неподобающими. Истинная наука, мысль ведомы только Богу, а то, что дозволено знать человеку – все это изложено в Библии. В этом контексте даже Августин отмечал необходимость опровергать “математиков” и астрологов.

Таким образом, лишь Святое Писание является источником как информации, так и божественной истины. Все едино, ибо создано Богом, все органично и совершенно, потому, что создано Богом. Человеческая задача заключается в том, чтоб максимально приблизиться, и реализоваться как образ и подобие Бога. Мир - иерархическое целое, универсальный энциклопедический механизм, где всякое совершенное приравнивается к божественному, тогда как низменное – к человеческому. Если греческому мировоззрению был свойственен и характерен героизм в лице как богов, героев, так и простого гражданина, то в христианстве образ героя сосредотачивается на образе Христа – мученика. Мученичество становится крайним смирением перед Богом, реализацией Его всяких желаний, беспрекословным выполнением Его воли. Самоотверженность и смирение становятся основой жизненных установок. Более того, выясняется, что христианский Бог – это не только Владыка и Создатель, но и внимательный, любящий “родитель”. Залогом Божественной любви становится ответственность Господа за свои создания, самым ярким образом проявленные в Его отношении к собственному Чаду - Христу.

Как видим, отношение христиан к миру крайне не “симметрично”. Вместе с тем, в христианстве есть наиглавнейшая необходимость – любовь и всепрощение. “Бог любит человечество” – установка, позволившая внутри человечества создать новую общность. Однако, понятие “любовь” здесь совершенно новое. Это не традиционное царство Афродиты, либо изначальный Эрос, - это внутренняя “морализованная” любовь, воплотившаяся во Христе, в самопожертвовании, милосердии и добродетели.

Христианство впервые классифицировало зло на реальное (физическое) и моральное, чего не было до того сформулировано ни в одной религии. Между тем, на заре формирования христианства, в его мировоззрении стали намечаться две совершенно отличные тенденции, прямо-таки противоречивые.

Согласно одной точки зрения, христианство воспринималось как уже свершившийся переворот, когда Христос искупил не только первородный грех, но и грехи всего человечества, позволив соединиться в универсуум как людей, животных, так и весь остальной живой и неживой мир под ореолом божественной любви. Акцент здесь приходится на искупление и на присутствие Бога в человеке и мире. Следствием этого подхода становится радость и свобода всех верующих.

Второй подход, в отличие от оптимистического первого, отличается обостренным пессимизмом. Искупиться возможно лишь при тягостном воздержании от всего мирского. Ортодоксальная церковь обещает спасение лишь незначительному количеству верующих – праведникам. И если в первом случае, радость и ликование “происходят” незамедлительно, т.е. в настоящем, то во втором – она относится к Концу времен, Второму пришествию, т.е. к будущему, оставляя настоящему лишь угнетенное состояние души в сравнении с “непостижимостью и инакостью” Бога. Подобное мироощущение отражается как в трех синоптических Евангелиях (от Матфея, Марка и Луки), так и Евангелии от Иоанна и писаниях Павла.

Элемент направленности на будущее, присутствующий в период зрелого христианства, в некотором роде является реминисценцией иудаистических традиций: осознание человеческой беспомощности и того, что мир погряз во зле и грехе, рождало желание узреть спасение свыше, надеяться на знак божий. При этом, логически мыслилось, что человек должен быть достоин того, чтоб именно ему открылось божественное спасение: т.е. он должен всецело и полностью жить по законам божьим⁸. Таким образом, ожидание апокалиптического возмездия во многом является отражением иудаизма. Христианская церковь, как-будто в телескоп увеличила иудейские понятия первородного греха и последовавшее за этим отчуждение, отлучение и разлучение человека с Богом. Если раннее христианство, опираясь на эллинистические традиции, видело во Христе мистическое слияние с Логосом, то к VIII – IXвв. Христос мыслится продолжителем иудейского представления о беспрекословном порядке, подчинении воли божьей, грозным судьей, карающим непокорных и дарующим спасение покорным⁹.

⁸ Альбом по истории Средних веков. М., 1960г, стр. 17.

⁹ Культура и искусство средневекового города. Сборник статей п/р проф. И.П. Русанова. М., 984г., стр. 48.

**ԵԳԻՊՏԱԿԱՆ ԵՎ ԱՆՏԻԿ ԱՎԱՆԴՈՒՅԹՆԵՐԻ ՎԵՐԱՓՈԽՈՒՄՆԵՐԸ ՎԱՂ
ՔՐԻՍՏՈՆԵԱԿԱՆ ԱՇԽԱՐՀՆԿԱԼՄԱՆ ՄԵՋ**

ԵՎԳԵՆՅԱ ՔԱԼԱՆԹԱՐՅԱՆ

Արվեստագիտության թեկնածու, դոցենտ

Քրիստոնեական դատկերացումների ձևավորման վրա մեծ ազդեցություն են ունեցել եգիպտական, անտիկ եւ հրեական աշխարհայացքները: Վերափոխվելով եւ հարմարեցվելով նոր կրոնի դահանջներին՝ վերջիններս դառնում են այն հիմքը, որի վրա կառուցվում են քրիստոնեական դատկերացումները աշխարհի մասին՝ բարու եւ չարի, կյանքի եւ մահվան, ակնթարթայինի եւ հավերժականի:

THE TRANSFORMATION AND REMINISTENTIONS OF ANCIENT AND EGYPTIAN
TRADITIONS IN EARLY MEDIEVAL VIEW.

EVGENIA QALANTARYAN

PhD in Art History, Deputy Professor

The Christian imagination was formed on the base of Egyptian, ancient and jewish ideas. They transformed to new religion and became a base for Christian opinion about the World: for the Kind and the Evil, the Life and the Death, the Temporary and the Eternal.